

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Альманах в „эпоху Z”

Георг Стражнов

Прервалась связь времен. В том, что современная молодежь совсем не такая, как мы, старшее поколение, понятно. Еще никогда молодежь не походила на стариков. И я это не к тому, что «как платья, волосы, так и умы коротки». Мы уже выучены, что ни платьев, ни волос теперь может не быть вовсе. Главное, молодежь третьего тысячелетия изменилась качественно. Они родились и живут в совершенно ином мире, нежели жили мы. Такого мира еще не было, он никогда не существовал до третьего тысячелетия. Эта новую эпоху назвали «информационной». Произошла бескровная (относительно) революция. И прежде всего революция в объеме, способах передачи и скорости распространения информации. Но именно это сыграло злую шутку с молодыми, с их знаниями, а, следовательно, и представлениями о мире, о культурном и научном наследии человечества. Как сказал французский философ Жан Бодрийар: «Мы находимся в мире, в котором все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла». Более того, мы находимся в ситуации, при которой связь между поколениями не просто затруднена, порой она прерывается.

Разумеется, все эти процессы произошли не в один день. В этом вся специфика новой революции. Для неё потребовалось лет двадцать, — ровно столько, сколько развивались и совершенствовались виды информационных технологий и коммуникаций.

Рижская школа дизайна была основана 23 года назад. Поэтому мы, преподаватели, стали свидетелями этих процессов, как говорится «по мере их поступления».

Уже в 90-е стали заметны признаки «деграданса» в знаниях вчерашних школьников.

То, что прежде казалось нам элементарным, из разряда базовых знаний для будущих дизайнеров вдруг стало открытием. Преподаватели все чаще недоумевали: «Чему их там учили в школе?!» И, действительно, что эти дети, делают в школе за годы учебы, стало для нас загадкой.

Для первокурсников пришлось даже завести новый цикл лекций — «Введение в культуру», в котором студентам давался некий набор знаний об истории и культуре нашей цивилизации, о тех произведениях литературы, изобразительного искусства, музыки, театра и кино, которые необходимо знать каждому человеку, считающему себя образованным. Этаким культминимум.

Мы расставили ориентиры, по которым каждый уже сам мог продолжить свое самообразование. Ведь дизайнер интерьера, это не просто декоратор, подбирающий тон занавесок к цвету обоев, ему (совместно с хозяевами жилых помещений) надлежит решить задачу создания неповторимой атмосферы дома, его стиля, и, порой, даже «театра», в стенах которого разворачивается семейная драма (иногда водевиль) длинной в жизнь.

У преподавателя истории живописи Ольги Дорофеевой собралась целая коллекция анекдотов и казусов о студенческих познаниях. Например, был период, когда имя Шекспира было напрочь забыто. О Данте, Рабле и Сервантесе речь не шла вообще. Потом, после выхода известных фильмов «Влюбленный Шекспир», «Ромео и Джульетта», имя английского классика вернулось в массовое сознание, но Великий драматург и поэт стал идентифицироваться лишь с этой единственной трагедией. И лишь немногие,

наиболее продвинутые, знали еще «Гамлета». Все.

Например, Ольга вспоминает другой анекдотичный случай, когда две подружки поспорили, что такое Пиросмани — имя художника или название вина.

Почти для всех стало открытием, что фигуры, украшающие фасады многих рижских зданий XIX века олицетворяют богов греческого пантеона. Замечено, греческую мифологию не знает никто. И как после этого понять классическую литературу, музыку, живопись? Как «прочитать» архитектуру Европы? А ведь есть еще скандинавская, славянская, индийская, латышская и другие мифологии. И все они присутствуют в современной культуре.

Ни русским, ни латышским студентам не известно ничего из основ Христианского вероучения. Ни десять заповедей, ни молитва «Отче наш», ни евангелия и псалмы, ничто из этого не было ими освоено.

Один случай из моей практики был совершенно ошеломляющий, когда студентка (она готовила литературный вечер) спросила, нет ли у меня номера телефона Салтыкова-Щедрина или, на худой конец (!), Солженицына. Думаете, это исключение?

Вот результат опроса на знание базовых данных среди студентов факультетов журналистики в трех главных, наиболее уважаемых, вузах России — МГУ, МГИМО и ВШЭ, проведенный и опубликованный в московском журнале «Большой город». Напомним, именно эти вузы готовят будущую российскую элиту.

В тесте было четыре варианта ответа, включая верный. Но только 12% студентов смогли правильно назвать количество планет Солнечной системы.

Менее 60% студентов знало, куда впадает Волга. Остальные предлагали варианты от Черного моря до Байкала. Кроме серьезного (все-таки Волга — главная река и символ России) пробела в знаниях географии, это свидетельство пробела и в знании отечественной литературы, поскольку стихотворение Бориса Слуцкого «Волга впадает в Каспийское море» принадлежит к несомненным шедеврам советской поэзии. 46% студентов не могли ответить на вопрос,

какая революция была раньше — Февральская или Октябрьская.

Около половины студентов не могли вспомнить год основания Москвы, балансируя между 600-м и 1200-каким-то.

Около 60% студентов не знали настоящую фамилию Сталина. В ответах фигурировали варианты от Кикабидзе до Бронштейна.

Менее 5 % опрошенных смогли назвать фамилии всех русских писателей, лауреатов Нобелевской премии. И только каждый пятый из опрошенных смог ответить на вопросы, что же изобрел Альфред Нобель и кто написал сказку «Щелкунчик».

Около 94% будущих журналистов из ВШЭ и МГУ не знали, кто был мэром Москвы до Юрия Лужкова. Самым экстравагантным можно считать ответ — «мэра не было, потому что была царская Россия».

Самый простой, казалось бы, вопрос — «В каком году и чьим указом основан МГУ?» — тем более, что он был задан исключительно журналистам Московского Университета, оказался и самым трудным. Лишь 14% студентов смогли ответить на него полностью, т.е. правильно назвать и год основания, и имя автора указа.

И это далеко не все ответы. Подробно с результатами опроса можно познакомиться на сайте журнала «Большой город»:

Это экспресс-исследование, пусть и не достаточно фундаментальное, показывает, в каком «приблизительном» мире живет будущая элита, те, кому через несколько лет достанется руководство одним из крупнейших государств мира, определение его политики и идеологии. Понятно, что с таким размытым представлением о пространстве (географии, астрономии) и времени (история) эти люди наверняка станут как авторами, так и жертвами всевозможных исторических и географических мифов. Такая публика склонна черпать информацию об истории и жизни из телевизионных сериалов. Показанное по ТВ воспринимается ими, как истина в последней инстанции. Так предыдущие поколения советских людей относились к газетам. Не это ли есть настоящий «конец истории»?

Фундаментальная история в виде научных трудов и соответствующих, основанных на проверенных данных, публикациях останется востребованной лишь учёными и другими такими же интересентами. Тут даже закон Парето не работает, не 20 к 80 процентам, а 0,002% ко всем оставшимся.

А что предложат всем «оставшимся»? Многочисленные ТВ-шоу, бесконечные спортивные трансляции, разношерстные музыкальные конкурсы, викторины и фестивали, а так же семейные и детективные сериалы.

Этим летом в Риге открывалось порой по два фестиваля ежедневно. Современная публика жаждет развлечений. Люди хотят развлекаться престижно, комфортно и, желательно, постоянно. С подробными отчетами в светской хронике и социальных сетях. Никто не забыт, не обойден, – каждому предложено нечто по его вкусам и финансовым возможностям. Кстати, эта какая-то маниакальная потребность нашей молодежи постоянно развлекаться, или, как теперь говорят – «тусоваться» – интереснейший вопрос для социопсихологов, поскольку на лицо признаки глубокого невроза.

Именно поэтому мы, поколения, рожденные до 1980 года, были, очевидно, последним поколением книги. Нам не только не страшно, мы даже предпочитаем побыть какое-то время один на один с умной книгой.

На смену нам пришли «визуаль», они всегда отдадут предпочтение картинке перед словом. Взгляните на современных дошкольников – как легко, еще не зная букв, они ориентируются в иконках гаджетов. То самое чтение, что является для нас потребностью и удовольствием, для большинства представителей новой эпохи – тяжелая и, порой, неприятная работа. Ученые называют их «Поколением Z», или Digital Native, что в примерном переводе звучит как «Человек цифровой». Это те, кто освоил компьютер в раннем детстве.

Поколенческое непонимание иногда достигает крайних форм. Так, помню, был у нас один студент, он жаловался сокурсникам, что вообще не понимает и половины того, о чем я говорил на лекции. Учиться дизайну его заставляла мама. Парня же интересовал

исключительно рэп. В конце концов, юноша все-таки оставил обучение в нашей школе. Зато теперь он успешный айтишник в Штатах. Нашел свое призвание. Совершенно счастлив. Мир молодых поменялся в полном соответствии с новыми технологиями. Вместо поэзии – тексты сменяющихся pop-stop хитов, вместо книг – комиксы и гламурные журналы, – все, что читается за час, вместо фильмов – homevideo, его можно снять даже на телефон, либо ТВ-сериалы без начала и конца на десятках каналов и на любой возраст.

Стерлась грань между любительским и профессиональным. И сама высота искусства, его гуманистическая сущность, необходимость мастерства и сампрофессионализма поставлены под сомнение. Постмодернизм ввел в рамки искусства то, что искусством не является по определению.

И над всем этим царственно вышагает коммерция. Главное, чтобы вместе со всеми этими «фестивалами» публика не забывала потреблять все то, что этому «пиру духа» сопутствует.

Объективные причины. Они заложены в «информационном взрыве», которое переживает Человечество. И если еще в 70-е годы прошлого века нам на лекциях говорили, что объем информации на Земле по сравнению с эпохой Шекспира удвоился, то в настоящее время он, по некоторым данным, по сравнению с 90-ми годами увеличился в сто раз, и теперь, благодаря развитию информационных технологий, будет удваиваться каждые два года.

В таком случае существенным становится выбор полезного из всего того трэша, в который погружен современный человек. Все зависит от самого человека и той среды, в которой он живет – от семьи, от друзей, от коллег по работе и т.д. Человек может либо находить только то, что его развивает, что помогает ему дойти до истины, способствует его интеллектуальному и профессиональному росту. Либо может развлекать себя в сетях, читая сплетни про звезд шоу-бизнеса, скачивая все новые и новые музыкальные треки, смотря без разбору по совету друзей все подряд фильмы, а так же бесконечно наблюдая за жизнью котиков и прочие «приколы». Целая it-индустрия сегодня

круглосуточно работает именно на этот сегмент потребителей. И, как теперь говорят, – «Вы этого достойны!». Это ж ваш выбор.

Читать – не читать. Моей двенадцатилетней внучке в школе выдали список из нескольких книг, которые она должна прочитать за летние каникулы. У себя на даче мы обнаружили одну из рекомендованных, «Дети капитана Гранта» Жюль Верна. Она с ужасом получила от меня тяжеленный том и, повздыхав, принялась за чтение. Прочтя половину книги, она сказала, что дальше читать не будет, что ей этого хватает, чтобы ответить на вопросы теста. Чем там, в романе, дело кончилось, ей было абсолютно не интересно. Я ее понял, поскольку в свое время, в 60-е, сам уже не мог этого читать.

Под нажимом родителей я прочел у Ж. Верна только романы «Двадцать тысяч лье под водой» и «Путешествие к центру Земли». На фоне Александра Беляева, советской фантастики 60-х (уже слетали в космос Гагарин и Титов), Ефремова, Кира Булычева, Рэя Брэдбери, Станислава Лемма, а затем и Стругацких, Жюль Верн казался отсталым и многословным.

Так же в своем отрочестве я не смог читать и, столь любимые моими родителями, романы Вальтера Скотта. Как отец ни настаивал, из Дюма кроме «Трех мукетеров», «Королевы Марго» и «Графа Монте-Кристо» я ничего не осилил. Хотя в домашней библиотеке все эти «виконты дебражелоны» были. Поэтому представить сегодняшнего подростка за чтением «Айвенго», «Квентина Дорварда», пяти томов «Кожаного Чулка» или «Двадцати лет спустя» совершенно невозможно. У детей сегодня другой ритм, другой опыт, сформированный, компьютером и фильмами.

Кто-то заметил, что любая литература через 150 лет воспринимается как архаика. И в этом большая доля истины. Например, многие слова, используемые Лесковым, современный молодой читатель просто не понимает. Они сто лет, как исчезли из нашего обихода. И невольно задаешься вопросом – а сколько же лет тем, кто составляет для детей эти списки рекомендованной литературы?!

Чем сердце успокоится. Будет ли в ближайшем будущем кем-то еще востребован наш «Альманах», кроме самих авторов, тех, кто пишет и печатает его на общественных началах – большой вопрос. И то, что мы, люди из прошлого века, создаем его, как духовный акт, с расчетом на грядущие поколения, это факт. Поэтому, почему кто-то должен платить за удовольствие, которое мы доставляем друг другу своими исследованиями и эссе? Ведь это ж действительно высочайшее наслаждение искать что-то в архивах, библиотеках, распутывать нити давно прошедших событий, находить истину там, где, казалось бы, всё давно известно. Сверять даты, карты и переводы, разыскивать свидетелей, находить и исправлять ошибки. С радостью открывать забытые имена. Разве ж это не истинное счастье для настоящего исследователя!

Говорят, мне рассказывали, на Западе существуют фонды и гранты для подобных исследований и публикаций. Они пользуются поддержкой университетов и меценатов. В наших широтах о таком мы можем только мечтать. Тираж Альманах столь ничтожен, а покупательная способность целевой аудитории столь мизерна, что наше издание для рекламодателя совершенно не интересно. Так что на вопрос, просуществует ли Альманах до сотого выпуска, можно ответить, финальной фразой из толстовского рассказа «Хозяин и работник», – «Мы все скоро узнаем».